

И. О. Дементьев

РЕЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА Б. Ф. ПОРШНЕВА
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

70

Рассмотрены основные направления рецепции позднего научного творчества знаменитого советского историка Бориса Федоровича Поршнева (1905 – 1972) в зарубежной историографии. Монография о народных восстаниях во Франции XVII в. (1948) была благосклонно принята за рубежом и спровоцировала дебаты среди историков, однако другие работы Поршнева вызывали значительно более умеренную реакцию иностранных коллег. Отмечены основные возражения, которые высказывали зарубежные исследователи в адрес различных научных идей Поршнева. Дана общая оценка месту позднего творчества Поршнева в науке.

The author analyses the reception of works and academic ideas of a renowned Soviet historian Boris Porshnev (1905 – 1972) in foreign historiography. The research shows that the historian failed to repeat the success of his monograph (1948) on popular uprisings in France before the Fronde, which was well received abroad and provoked long-standing dispute among the historians. Other works of Porshnev evoked a much more moderate reaction from foreign colleagues. The paper outlines the main objections expressed by foreign researchers to the various academic ideas of Porshnev, and provides the reader with general assessment of Porshnev's late works in the humanities.

Ключевые слова: Борис Поршнева, марксизм, советская историография.

Keywords: Boris Porshnev, Marxism, Soviet historiography.

Борис Федорович Поршнева (1905–1972) принадлежит к числу самых ярких и разносторонне одаренных представителей советской исторической науки. Изначально он имел шансы состояться в качестве историка русской и зарубежной литературы [2], но в конце 1930-х гг. переориентировался на историю народных восстаний во Франции первой половины XVII в. Его диссертация по этой теме переросла в монографию (1948), награжденную Сталинской премией и переведенную на несколько европейских языков [4]. Книга несла на себе отпечаток эпохи, но свидетельствовала о незаурядной эрудиции и трудоспособности автора, опиралась на недоступные западным исследователям источники и отличалась новаторской постановкой проблем. В историю науки вошла знаменитая полемика Поршнева и Ролана Мунье по теме монографии.

Многим советским историкам не удавалось пробиться к зарубежному читателю в силу того, что их работы – даже весьма оригинальные и профессиональные – могли быть прочитаны лишь теми коллегами, которые владели русским языком. Поршневу посчастливилось быть переведенным, прочитанным, оцененным по «гамбургскому сче-

ту» и принятым в качестве равноправного участника в интернациональный круг специалистов по эпохе Фронды. Нет сомнений в том, что Поршнева внес заметный вклад в мировую историографию народных движений в Европе XVII в. [11].

Однако творческое наследие Поршнева, отличавшегося необычайной широтой интересов, включало и другие важные работы. В статье будет рассмотрена рецепция позднего (условно говоря, после 1948 г.) творчества Поршнева за рубежом, преимущественно на Западе. Такая оценка важна как для более адекватного понимания закономерностей развития советской историографии, так и для учета опыта международного академического сотрудничества, которое по сей день затрудняется для российских ученых прежде всего в силу того, что *Rossica non leguntur*.

Множество статей Поршнева по частным сюжетам, выходявших в 1940–1960-х гг., были известны зарубежным коллегам только на языке оригинала. Особо заинтересованные исследователи (как Ф. Бродель [13, р. 578]) заказывали переводы. Некоторые идеи Поршнева транслировал в докладах на международных конференциях и в личном общении с коллегами. Краткая характеристика творческого наследия Поршнева была опубликована в 1991 г. в англоязычном энциклопедическом словаре [33]. Какова же рецепция этого наследия в мировой науке?

Следует признать, что ни одной из работ Поршнева не удалось повторить успеха «Народных восстаний во Франции перед Фрондой (1623–1648)». Большинство тем, действительно важных в глобальном масштабе, — от проблем антропогенеза и социальной психологии до истории Тридцатилетней войны и теории абсолютизма — обсуждается современными гуманитариями по большому счету без учета работ Поршнева. Ниже приводится характеристика самых важных сюжетов творчества советского эрудита.

В конце жизни Поршнева планировал написать трилогию, посвященную *Тридцатилетней войне*; третья книга вышла при его жизни [8], первая была опубликована посмертно [10] и в 1995 г. стараниями П. Дьюкса переведена на английский язык [45]. Дьюкс же на основе черновых материалов и опубликованных статей Поршнева реконструировал общий замысел средней части [17]. Советские издания были доступны прежде всего историкам в Центрально-Восточной Европе, которые читали их по-русски. В Чехословакии М. Грох и Й. Петрань ссылались на обе части трилогии Поршнева, подчеркивая, что для западноевропейских историков проблематика участия России и Польши в Тридцатилетней войне остается малоизвестной [29, S. 215, 217, 223]. После выхода кембриджского перевода и нескольких положительных рецензий на него ссылки на монографию Поршнева стали появляться в публикациях западных авторов, хотя следы реального использования работы заметны не всегда. В то же время постепенно историки стали признавать, что подход Поршнева ценен уже тем, что обычно англоязычные авторы не уделяют должного внимания московскому измерению Тридцати-

летней войны [41, р. 214], хотя легитимность его исследования подтверждают, как считает П. Дьюкс, и постсоветские публикации [17, р. 220–221].

Один из тезисов Поршнева, который подвергся детальной проверке западными историками, – о решающей роли русской финансовой помощи Швеции (в форме предоставления зерна, которое с выгодой перепродавалось в Западной Европе) в обеспечении шведских успехов в Европе. Игнорировать его не решились [41, р. xiv; 46, р. 121], тем более что Поршневу опирался на материалы российских архивов, что, как и в случае с книгой о народных восстаниях, заметно повышало ценность его работы. Однако данные Поршнева были перепроверены. Сначала это сделал немецкий историк В. Медигер, который пришел к выводу о том, что Поршневу серьезно ошибся в оценке размеров спекулятивных доходов Швеции от торговли российским зерном [39, Textband, S. 130; Anm., S. 42–45]. Шведский историк Л. Экхольм на основе досконального изучения шведских архивов заключил, что российская торговля зерном действительно стала важным источником доходов Швеции, но показатели ее доходности были Поршневым многократно завышены [18–20]. Таким образом, вывод о решающей роли московской помощи не выдерживает критики, хотя оценки общности интересов Московии и Швеции во время Тридцатилетней войны сомнению не подлежат. Сегодня позиция Экхольма безраздельно господствует в западной историографии [40, s. 218; 49, S. 94]. Зарубежные историки в большинстве случаев тактично обходят вопрос о венаучных причинах, побудивших Поршнева приписывать Москве «решающую роль», но А.П. Каждан, уже будучи в эмиграции, прямо написал о «ложном патриотизме» как ведущем мотиве поршневских интерпретаций в этом случае [30, р. 9].

Общий интерес к истории революционных движений привлек внимание европейских историков-марксистов после Второй мировой войны. В Восточной Европе это было во многом связано с выходом в 1954 г. в ГДР перевода обобщающей работы по Новой истории, охватывавшей 1640–1789 гг., в написании которой участвовал Поршневу [3]. Она воспринималась как важное средство утверждения марксизма в исторической науке [32, S. 11]. Однако к ней апеллировали и британские марксисты: раздел Поршнева из этой книги цитировал Э. Хобсбаум в 1954 г. для обоснования тезиса об «общем кризисе» XVII в., вызвавшего бурные дебаты в 1950–1960-х гг. Характерно, что ссылки давались непосредственно на советскую публикацию [26, р. 12]. Со временем, однако, интерес к советским концепциям позднесталинского периода угас, и исследователи перестали ссылаться на них.

Западные историки традиционно признают пионерский характер работ Поршнева об *англо-французских отношениях во время Фронды*, включая статьи на русском языке (напр., [6]) [14, р. 10; 15, р. 367; 31, р. 2–3]. Однако тезисы этих работ далеко не всегда поддерживаются в современной историографии. Ф. Нэйчел критиковал преувеличение Поршневым роли цензуры в Англии и мнение советского историка о распространенности симпатий к Английской революции по ту сторону

Ла-Манша [31, p. 53, 87, 112]. И. Полишенский, подтверждая некоторые выводы Поршнева на чешском материале, дискутировал с ним по поводу роли разных европейских стран в борьбе против революционной Англии [43, s. 172, 180]. Ю. Карье, специалист по прессе Фронды, оспаривал противопоставление Поршневым памфлетов умеренных и радикальных сил, которые в тот период откликнулись на события в Англии [15, p. 366–367]. Те, кто читал Поршнева по-русски, как М. Грох, могли позволить себе развернутые рецензии на книгу об англо-французских отношениях середины XVII в., в которых отдавали должное авторской эрудиции, хотя находили и поводы для критики даже в рамках марксистской парадигмы [28, s. 377]. На Западе, впрочем, выходили и совершенно комплиментарные рецензии, авторы которых сожалели лишь о том, что настолько фундаментальное исследование доступно немногим в силу языковых затруднений [16, p. 524].

Поршневу наряду с другими советскими исследователями занимался биографией Жана Мелье, выпустил ряд статей на русском и французском, а потом и книгу [7]. Хотя эти работы вошли в обязательную программу для чтения по теме жизни и творчества незаурядного мыслителя (см., напр., [47]), интерес ученых к самому сюжету к настоящему времени заметно ослаб.

Некоторые работы Поршнева по *политической экономике феодализма* переводились еще в начале 1950-х гг. на немецкий язык, так что в ГДР он пользовался репутацией авторитетного теоретика-марксиста [24, S. 72]. Однако его достижения в этой области подвергались критике уже со стороны советских коллег. Постепенно его популярность сошла на нет, а западным ученым эта сторона его творчества всегда была практически неизвестна и неинтересна. Редкие случаи сочувственного цитирования приходится на долю таких исследователей, как эстонский философ Э.Н. Лооне, который читал Поршнева [5] в советский период и ссылался на него после 1991 г. [35, p. 179].

Также были переведены некоторые работы Поршнева и его соавторов по *проблемам антропогенеза*. Насколько можно судить, эти публикации иногда цитировались зарубежными коллегами, но, как правило, воспринимались скептически, что было характерно даже для специалистов из социалистических стран [21, p. 24]. В научных журналах, близких к левым силам, встречались комплиментарные рецензии на посмертно изданную в СССР книгу Поршнева «О начале человеческой истории» [9] — например, в журнале Института Грамши *Studi Storici*, где рецензент аккуратно намекал на то, что Поршневу идет дальше Энгельса в понимании факторов антропогенеза [22].

Можно утверждать, что работы Поршнева по *социальной психологии* малоизвестны иностранным коллегам, несмотря на их соответствие общему тренду в развитии междисциплинарности. Книга «Социальная психология и история», о научных достоинствах которой скептически отзывался А.Я. Гуревич [1, с. 27–28], вышла на английском языке в СССР в 1970 г. [44]. В общих работах по историографии и методологии истории книгу Поршнева упоминали как пример обновления постсталинской советской исторической науки, хотя не без критицизма по

отношению к узости авторского взгляда [12, р. 287]. Н. Хир показала, что поршневские разработки в области массовой психологии (в частности, отношений *мы / они*), опиравшиеся на ленинские положения и проиллюстрированные мрачными примерами из зарубежной практики (например, истерией маккартизма), могли быть спроецированы и на советскую реальность. Видел ли сам Поршнева то, что должно было броситься в глаза любому умному читателю? Этот вопрос открыт [23, р. 160]. В общем о том же рассуждал в [48, р. 239–240] итальянский рецензент: что будет, если экстраполировать ленинский анализ отношений *мы / они* на советское общество? В работе по социальной психологии методологические ограничения догматического марксизма оказались особенно заметны (см.: [37]).

Иногда упоминаются редкие работы Поршнева по *истории России* [38, р. 88, 94; 25, р. 330, 351], но в этой сфере его фигура оказывается, как правило, в тени более известных специалистов по отечественному прошлому. Тем не менее периодически западные историки и сегодня вступают в полемику с Поршневым по частным вопросам (например, по поводу его мнения о существовании пропольской группировки при русском дворе во время Смоленской войны [42, р. 378]).

Отдельный аспект обсуждаемой темы — работы зарубежных авторов по советской историографии. Изредка в обзорах советских дискуссий Поршнева противопоставляется ортодоксальным марксистам [50], но все же в публикациях превалирует критическая тональность. Одни отмечают присущий ему догматизм, контрастировавший с попытками обновления историографии после смерти Сталина [27, S. 29]; другие иронизируют над стремлением Поршнева быть большим марксистом, чем официальные ревнители чистоты марксизма [30, р. 9]; третьи подчеркивают его отрицательную роль в дискуссии 1960-х гг. об азиатском способе производства [36, р. 170, 194, 283]. В 1990-х гг. австралийский историк Р. Марквик взял интервью у Л. В. Даниловой, которая вспоминала атмосферу дискуссий конца 1960-х в Институте истории АН СССР. По ее свидетельству, Поршнева тогда говорил ей: «В 30-х мы таких людей, как вы, расстреливали! Сегодня, к сожалению, мы вынуждены вас воспитывать» [36, р. 288]. Ретроспективный взгляд на советскую историографию обнаруживает в Поршневе крайне противоречивую фигуру, одновременно и оригинальную, и типичную для своего времени. К субъективному фактору, предопределяющему угасание интереса к Поршневу, добавляются объективные — распад Советского Союза и снижение влияния марксистской мысли.

Следует признать, что мировая историография, которая ежегодно производит колоссальный объем научной продукции, по большому счету не придает особого значения поздним работам Поршнева, а в ряде частных вопросов уже отвергла многие его выводы. Если это справедливо по отношению к респектабельным темам, то тем более в качестве курьеза рассматривается интерес Поршнева к снежному человеку. Э. Леруа Ладюри, вспоминая советского историка, писал, что его занимали главным образом два сюжета — «йети и антифискальные бунты.

Ужасный снежный человек и Жак-Простак» [34, р. 301]. В первом случае Поршнев не преуспел, но во втором ему сопутствовала удача. Несмотря на феноменальную эрудицию, широту интересов и научную продуктивность, Поршневу не удалось snискать иного места в глобальной науке, чем то, которое он тем не менее занимает с полным правом, — место автора фундаментальной новаторской работы о народных восстаниях во Франции.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.
2. Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Борис Поршнев — несостоявшийся литературовед // Новый филологический вестник. 2019. №1. С. 326—337.
3. Новая история / под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. М., 1951. Т. 1 : 1640—1789.
4. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М. ; Л., 1948.
5. Поршнев Б. Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
6. Поршнев Б. Ф. Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию // Средние века. 1956. Вып. 8. С. 319—347.
7. Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964.
8. Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
10. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
11. Чеканцева З. А. Рецепция творчества Б. Ф. Поршнева во Франции и Советском Союзе // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е — 80-е годы XX в. М., 2007. С. 14—28.
12. Baron S. H., Heer N. W. The Soviet Union: historiography since Stalin // International Handbook of Historical Studies. Contemporary research and theory / ed. by G. G. Iggers and H. T. Parker. L., 1980. P. 281—294.
13. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe — XVIIIe siècle. P., 1979. Т. 3 : Le temps du monde.
14. Carrier H. La presse de la Fronde (1648—1653): les Mazarinades. La conquête de l'opinion. Genève, 1989.
15. Carrier H. Le labyrinthe de l'État. Essai sur le débat politique en France au temps de la Fronde (1648—1653). P., 2004.
16. Cinnella E. B. F. Poršnev, Francija, anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII v. Moskva, Nauka, 1970 // Rivista storica italiana. 1972. №2. P. 514—524.
17. Dukes P. The Thirty Years' War, the Smolensk War and the Modernization of International Relations in Europe // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. L. ; N. Y., 2004. P. 203—222.
18. Ekholm L. Kontributioner och krediter. Svensk krigsfinansiering 1630—1631 // Landberg H. et al. Det kontinentala krigets ekonomi. Kristianstad, 1971. S. 143—270.
19. Ekholm L. Rysk spannmål och svenska krigsfinansiering 1629—1633 // Scandia. 1974. Bd. 40, H. 1. S. 57—103.
20. Ekholm L. Svensk krigsfinansiering. 1630—1631. Uppsala, 1974.
21. Foerster I. Some aspects of the relationship between continuity and discontinuity in anthropogenesis // Anthropologie. 1983. Vol. 21, №1. P. 23—26.

22. *Garritano G.* Boris Fëdorovič Poršnev, O načale čelovečeskoj istorii, Mosca, "Mysl", 1974 // *Studi Storici*. 1975. Anno 16, №2. P. 564.
23. *Heer N.W.* The Non-Bolshevik Left and the Idea of Political Opposition // *Windows on the Russian past. Essays on Soviet historiography since Stalin* / ed. by S.H. Baron and N.W. Heer. Columbus, 1977. P. 157–170.
24. *Heitz G.* Der Zusammenhang zwischen den Bauernbewegungen und der Entwicklung des Absolutismus in Mitteleuropa // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1965. Sonderheft 13. S. 71–83.
25. *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago ; L., 1971.
26. *Hobsbawm E.J.* The crisis of the seventeenth century // *Crisis in Europe. 1560–1660. Essays from Past and Present*. L., 1969. P. 5–58.
27. *Hösler J.* Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München, 1995.
28. *Hroch M.* B.F. Poršněv, Francija, anglijskaja revolucija i evropejskaja politika v seređině XVII v. Moskva 1970 // *Československý časopis historický*. 1972. №3. S. 374–376.
29. *Hroch M., Petrář J.* Das 17. Jahrhundert – Krise der Feudalgesellschaft? Hamburg, 1981.
30. *Kazhdan A.* Soviet Studies on Medieval Western Europe: A Brief Survey // *Speculum*. 1982. Vol. 57, №1. P. 1–19.
31. *Knachel Ph.A.* England and the Fronde: the impact of the English Civil War and Revolution on France. Ithaca (NY), 1967.
32. *Krause H.-Th.* Die Entwicklung der Beziehungen zwischen der Geschichtswissenschaft der DDR und der UdSSR von 1945 bis zur Gegenwart // *Die Sowjetische Geschichtswissenschaft*. 1979. Tl. 2. S. 5–30.
33. *Kucherenko G.S.* Porshnev, Boris Fyodorovich // *Great historians of the Modern Age. An international dictionary*. N.Y. ; Westport ; L., 1991. P. 570–571.
34. *Le Roy Ladurie E.* Parmi les historiens. Articles et comptes rendus. P., 1983.
35. *Loone E.* «They Were Not Quite Like Us»: The Presumption of Qualitative Difference in Historical Writing // *Developments in Modern Historiography* / ed. by H. Kozicki. N.Y., 1993. P. 164–181.
36. *Markwick R.D.* Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. Basingstoke, 2001.
37. *Markwick R.D.* Cultural History under Khrushchev and Brezhnev: From Social Psychology to Mentalités // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65, №2. P. 283–301.
38. *Mazour A.G.* The writing of history on the Soviet Union. Stanford, 1971.
39. *Mediger W.* Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967. Textband; Anmerkungen, Quellen und Literatur, Register.
40. *Oredsson S.* Gustav II Adolf. Stockholm, 2007.
41. *Parker G.* The Thirty Years' War. L. ; N.Y., 1987.
42. *Perrie M.* Substituted tsareviches and enemy agents: the case of archimandrite Fedorit (1635–1636) // *Russian History*. 2007. Vol. 34, №1/4. P. 365–381.
43. *Polišenský J.V., Snider F.* War and society in Europe. 1618–1648. Cambridge ; L. ; N.Y. ; Melbourne, 1978.
44. *Porshnev B.* Social psychology and history. Moscow, 1970.
45. *Porshnev B.F.* Muscovy and Sweden in the Thirty Years' War, 1630–1635. Cambridge, 1995.
46. *Roberts M.* Gustavus Adolphus and the Rise of Sweden. L., 1973.
47. *Skrzypek M.* La fortune de Jean Meslier en Russie et en Union Soviétique // *Dix-Huitième Siècle*. 1971. №3. P. 117–143.
48. *Sori E.* Storia, psicologia collettiva, marxismo // *Quaderni storici*. 1971. Vol. 6, №16. P. 235–240.

49. Troebst S. Handelskontrolle – “Derivation” – Endämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997.

50. Yaresch L. The “Peasant Wars” in Soviet Historiography // The American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, №3. P. 241–259.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru